

РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ БЕЛОРУСОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Современная Беларусь строит гражданское общество, правовое государство в противоречивых условиях, в том числе и в духовной сфере. Чтобы избежать ошибок, следует учесть опыт прошлого, которое свидетельствует, что религиозные взаимоотношения между белорусами православного и католического вероисповеданий были не безоблачными.

Этот факт подтверждается и архивными документами.

Причем трения на конфессиональной почве зачастую возникали именно в повседневной жизни белорусов.

Так, начальник Витебского губернского жандармского управления 25 сентября 1900 г. докладывал витебскому губернатору о том, что его помощником подполковником Озерецковским в Двинском, Режицком, Себежском и Люцинском уездах были обнаружены два случая проявления местным ксендзом «не терпимости и презрения» к лицам православного вероисповедания. Первый случай заключался в том, что крестьянка М.О. Жунба, римско-католического вероисповедания, «находясь в любовной связи с канониром четвертой батареи первой резервной артиллерийской бригады Гвоздевым», православного вероисповедания, 9 сентября умерла во время родов. Умер и родившийся ребенок. Когда же знакомые покойной обратились к настоятелю Креславского костела, ксендзу Малаховскому, с просьбой совершить необходимые духовные требы над умершей, то он не только отказался, но и воспретил делать это другим викарным ксендзам.

Второй случай произошел 23 июня 1899 г. в деревне Мателях Креславской волости: родные крестьянина Д.Ю. Силова, 86 лет, просили того же ксендза Малаховского об исповеди названного крестьянина, находившегося в тяжелом болезненном состоянии. Прибывший для исполнения этого обряда Креславский викарный, ксендз Терелеус, отказался исповедовать больного старика в его квартире, а требовал, чтобы его вынесли для исповеди на улицу, т. к. внук крестьянина Силова, Л.Ф. Носович, живший с ним, был женат на православной и в доме Силова были православные иконы. Требование ксендза Терелеуса не было исполнено, и он уехал, не исповедовав больного старика. Последний был исповедан вечером того же числа младшим викарным, ксендзом Епилевичем, причем во избежание повторения отказа от исповеди «православные иконы, принадлежащие М. Носович, были сняты со стены и спрятаны в сундук» [1, л.1-1об-2-2об].

Подполковник Озерецковский при этом был убежден, что поступок ксендза Терелеуса был вызван влиянием ксендза Малаховского [2, л.2об-3]. В итоге действий правительственных органов ксендз Малаховский был отстранен от своей должности настоятеля Креславского костела. После этого он уехал в Ригу, о чем Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел уведомил витебского губернатора [3, л. 16].

Одной из мер наказания католических священников за «антиправославную вредную деятельность» была ссылка в монастырь. Так, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД 12 августа 1899 г. сообщал витебскому губернатору о препровождении римско-католического священника С. Далецкого в Аглонский монастырь за его вредную деятельность: «вследствии полученных сведений о вредной деятельности Заведующего Копыльскою римско-католическою церковью Минской губернии, священника Станислава Далецкого, Министерством сделано распоряжение об его отправлении в Аглонский Доминиканский монастырь на один год» [4, л. 63]. Вышеназванный священник, ссылаясь на свою невиновность, ходатайствовал о своем освобождении из заключения, но его просьба была «оставлена без последствий», о чем Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД просил витебского губернатора «о распоряжении к объявлению помянутому духовному лицу» [5, л. 75].

Властями запрещалось существование тайных школ, в которых обучение учащихся (особенно православных. – В.Т.) проходило по польским (в основном религиозным. – В.Т.) книгам и на польском языке. Тем не менее, явления такого рода имели место. Так, дриссенский уездный исправник докладывал в своем рапорте витебскому губернатору об обнаружении им тайной польской школы в де-

ревне Освенцы. Исправник писал о и принятых им мерах: «взысканный с крестьян Игналинской волости деревни Освенцы О. Бируля, допустившего в своем доме незаконное обучение детей православного исповедания польской грамоты, штраф в размере 25 рублей, И. Церени, В. Бурака и К. Шипилло, дозволивших своим детям тайно изучать польскую грамоту по 10 рублей с каждого, а всего 55 рублей, внесены в Дриссенское Уездное Казначейство под квитанции от 21 января за № 240, 27 января за № 280, 20 февраля за № 102 и 2 марта за № 611. Крестьянка же К.С. Бируль заключена под арест при вверенном мне Полицейском Управлении, сроком на один месяц с 22 февраля сего года» [6, л. 12-12об].

Обучение производилось за плату, которую должны были внести родители девочек [7, л. 1-1об.]. Полицейский видел в этом проявление «систематической деятельности неблагонадежных, желающих проводить в среду православного населения этой местности, вместе с польской грамотой, учение, несогласное с духом православно-религиозным и политическим». Он был убежден и в том, что «польские книги ... даром предлагаемые крестьянкой К. Бируль – обстоятельство, имеющее немаловажное значение, особенно, если сопоставить его с тем фактом, что на православное народное училище, находящееся в трех верстах от деревни Освенцы, где производится тайное обучение, крестьяне Игналинской волости, ссылаясь на свою бедность, отказались дать какие бы то ни было ассигнования и школа эта ремонтируется исключительно на средства Государственного Казначейства» [8, л. 1об.-2].

12 июня 1900 г. витебский губернатор докладывал в Министерство внутренних дел о факте проявления нетерпимости по отношению к православной вере ксендзом Мацкусом, который, по рассказам некоторых лиц, будучи в погосте Куркино, Велижского уезда Псковской губернии, внушал католикам не вступать в браки с православными, утверждая, что это «большой грех» [9, л. 4-4об.]. По этому случаю было решено произвести дознание свидетелей, которые дали следствию показания о неоднократных выпадах ксендза Мацкуса против православных.

Из показаний крестьянина Придруйской волости Дриссенского уезда Юхневича от 8 августа 1900 г. вытекало, что «ксендз Мацкус, приезжая в селение Куркино, обращаясь к прихожанам католикам, говорил: большой грех делает католик, который жениться на православной, или католичка – выходя в замужество за православного» [10, л. 16]. Слова крестьянина Юхневича были подтверждены дворянином А.М. Филимоновичем. Из показаний крестьянина К.О. Кусеня деревни Абаруны Ликсянской волости Двинского уезда видно, что «... Велижский ксендз Мацкус отказал ему... в выдаче разрешения на вступление в брак дочери его Паулины в брак с крестьянином Маклаковской волости Велижского уезда Л. Сергеевым, православного вероисповедания, потому что она выходит в замужество за русского» [11, л. 20]. Показания крестьянина Кусеня были подтверждены показаниями крестьянина деревни Лядинники Л. Сергеевым, который показал, что хотел жениться на дочери крестьянина К.О. Кусеня – Паулине, «римско-католического вероисповедания», и два раза обращался к ксендзу Мацкусу с просьбой о выдаче Паулине Кусень разрешения на вступление в брак, но ксендз в этом отказал [12, л. 20 об.].

В связи с вышеизложенным можно согласиться с мнением историка Ф. Турука, писавшего: «Так как в Белорусии издревле отождествлялись католики с поляками, а православные с русскими, то все репрессии русского правительства против поляков целиком ложатся на белорусов-католиков, в отношении же православных белорусов принимаются все меры полной их русификации ... Под перекрестным огнем воинствующих русского и польского национализмов, в

атмосфере борьбы православия с католичеством... в Белоруссии чудовищно вырастает религиозный антагонизм между белорусами-католиками и белорусами-православными... Таким образом, с двух сторон белорусам внушалось: «Нет никаких белорусов! Если ты католик, значит поляк, если православный, значит – русский» [13, с. 7-8].

Исследователь Е.С. Канчер, осуждая деление белорусов по религиозному признаку, писал: «Белорусы в религиозном отношении делились на две части: на огромную часть православных и на меньшую часть католиков». В целом же «религиозная политика (правящих кругов Российской империи. – Т.В.) болезненно сказалась на той части крестьянства, которая приняла католичество, усвоила польский язык и польскую культуру», потому что «эта часть крестьянства была взята под подозрение, оскорблялась и унижалась». Поэтому вполне естественным стало то, что «...она обратила свое лицо в сторону Польши» [14, с. 20].

Политический и общественный деятель А. Луцкевич (Новина), рассуждая о разделении белорусов по религиозному признаку, писал следующее: «Белорусы делятся в настоящее время на две неравноправные вероисповедные группы – православных и католиков, причем численное отношение первых ко вторым равно приблизительно 3:1». По мнению А. Луцкевича, последствия такого «религиозного дуализма» «сказываются на всей культурной жизни белорусского народа: белоруссы-католики более подвержены влиянию польской культуры, в то время как белоруссы-православные легче поддаются (велико) русскому влиянию» [15, с. 2].

По нашему мнению, конфессиональный антагонизм между православными и католиками в рассматриваемый период времени действительно существовал. При этом документы свидетельствуют об активной антиправославной агитации со стороны католического духовенства. Случаи же антикатолической агитации со стороны православного клира документально не фиксировались, поскольку позиции православия как господствующей в государстве религии охранялись законом, а распространение православия находило у российских властей всестороннюю помощь и поддержку.

ЛИТЕРАТУРА

1. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44507.
2. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44507.
3. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44507.
4. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44206.
5. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44206.
6. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44002.
7. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44002.
8. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44002.
9. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44399.
10. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44399.
11. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44399.
12. НИАБ в Минске ф.1430, оп.1, ед.хр.44399.
13. Турук Ф.Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов. – М., 1921.
14. Канчер Е.С. Белорусский вопрос. Сб. ст. – Петроград, 1919.
15. Луцкевич А. (Новина А.) Белоруссы. – Спб., 1909.

SAMMARY

The article centers upon the problem of the religious conflicts between Orthodox Belarusians and Catholic Belarusians. Different points of view of Belarusian public leaders of the early XX-th century are given in this article as well.